Пленные / рассказ

Category: Hekaýalar,Kitapcy
написано kitapcy | 23 января, 2025
Пленные / рассказ ПЛЕННЫЕ

В лесу ни звука, только слышен легкий шорох падающего на деревья снега. Еще днем пошел мелкий снежок, осыпая ветки ледяным пухом, набрасывая на сухие листья зарослей серебристый покров, расстилая по тропам гигантский белый и мягкий ковер, сгущая беспредельную тишь этого океана деревьев.
У порога лесной сторожки молодая женщина с засученными рукавами колола дрова. Это была рослая, статная и крепкая дочь леса, дочь и жена лесников.
Из дома раздался голос:
— Мы нынче будем ночевать одни, Бертина! Иди домой: уже совсем стемнело, а по лесу, может, рыщут пруссаки и волки.
Раскалывая полено широкими взмахами, от которых грудь ее напрягалась, лесничиха ответила:
— Готово, мама. Иду, иду, не бойся, еще светло. Она внесла в дом дрова и вязанки хвороста, уложила их возле очага, еще раз вышла во двор, чтобы затворить ставни, тяжелые ставни из цельного дуба, и, возвратясь, заперла дверь на засов.
У огня пряла ее мать, сморщенная старушка, которую годы сделали пугливой.
— Не люблю я, когда отца нет дома, — сказала она, — много ли стоят две женщины?
— Ну, я-то уж как-нибудь пристрелю волка или пруссака! — отвечала молодая и взглядом указала на большой пистолет, висевший над очагом.
Ее муж был взят в армию с начала прусского нашествия, и женщины остались одни с отцом, старым лесником Никола Пишоном, по прозвищу Дылда, который упорно отказывался уйти из дома и переселиться в город.
Ближайший город был Ретель, старинная крепость на скале. Это был город патриотов: жители его решили сопротивляться захватчикам, запереться в городе и, следуя традиции, выдержать

осаду. Дважды уже — при Генрихе IV и при Людовике XIV — жители Ретеля прославились героической обороной. И теперь, черт побери, они поступят так же, пускай их даже сожгут в стенах крепости.

Итак, они закупили пушки и ружья, снарядили ополчение, сформировали батальоны и роты и по целым дням обучались на крепостном плацу. Все они: булочники, бакалейщики, мясники, нотариусы, адвокаты, столяры, книгопродавцы и даже аптекари — упражнялись по очереди в определенные часы под начальством г-на Лавиня, драгунского унтер-офицера в отставке, а ныне владельца галантерейного магазина, так как он женился на дочери г-на Раводана-старшего и унаследовал его торговлю.

Г-н Лавинь получил звание коменданта крепости и, когда молодежь ушла в армию, завербовал всех остальных обывателей, которые стали усердно готовиться к обороне. Толстяки ходили по улицам не иначе как беглым шагом, чтобы растрясти жир и избавиться от одышки, слабосильные таскали тяжести, чтобы укрепить мускулы.

И все ждали пруссаков. Но пруссаки не показывались. Однако находились они неподалеку; два раза их разведчики пробирались лесом до сторожки лесника Никола Пишона, по прозвищу Дылда. Старый лесник, юркий, как лиса, прибегал оповестить об этом горожан, после чего были наведены пушки, но враг не появлялся.

Жилище Дылды служило передовым постом в Авелинском лесу. Старик два раза в неделю ходил за провизией и приносил городским жителям окрестные новости.

В тот день он отправился сообщить, что позавчера в третьем часу дня небольшой отряд немецкой пехоты остановился у него и почти сразу же двинулся дальше. Начальник отряда, унтер-офицер, говорил по-французски.

Уходя в город, старик из страха перед волками, начинавшими лютовать, брал с собой двух своих собак — двух волкодавов с львиной пастью, а женщинам наказывал к ночи накрепко запираться в доме.

Молодая ничего не боялась, а старуха вечно дрожала и твердила:

— Добром это не кончится, вот увидите, добром не кончится.

В тот вечер она беспокоилась больше обычного.

— Не знаешь, когда придет отец? — спросила она.
— Ну, наверно, не раньше одиннадцати. Он всегда поздно приходит, когда обедает у коменданта.
Молодая женщина только что повесила над огнем котелок с водой для похлебки, но вдруг замерла, прислушиваясь к смутному шуму, долетавшему через дымоход.
— Слышишь, по лесу ходят… — прошептала она. — Человек семь — восемь, не меньше.
Мать в испуге остановила прялку и залепетала:
— Ох, боже мой, а отца-то нет!
Не успела она договорить, как от сильного стука затряслась дверь.
Женщины не откликались, и громкий гортанный голос крикнул снаружи:
— Эй, открывать!
После паузы тот же голос повторил:
— Открывать, иначе я ломать дверь!
Тогда Бертина сунула в карман юбки большой пистолет, что висел над очагом, и, прильнув ухом к двери, спросила:
— Кто там?
— Это есть я, отряд от позавчера.
— Чего вам надо? — продолжала спрашивать Бертина.
— Я заблудил с мой отряд еще утром. Вы должен открывать, иначе я ломать дверь.
Лесничихе ничего не оставалось, как отодвинуть засов; приоткрыв тяжелую дверь, она увидела в блеклом снежном сумраке шесть человек, шесть прусских солдат, тех же, что приходили позавчера.
Она заявила решительным тоном:
— Чего вам надо так поздно?
Унтер-офицер повторил:
— Я заблудил, совсем заблудил, и я узнавал ваш дом. Я ничего не имел есть с утра и тоже мой отряд.
— Да мы с матерью совсем одни в доме, — возразила Бертина.
Солдат миролюбиво ответил:
— Ничего. Я не буду вас обидеть, только вы должен давать нам кушать. Мы будем сейчас падать от голод и усталость.

Лесничиха посторонилась.
— Войдите, — сказала она.
Солдаты вошли; они были запорошены снегом, а каски их, все в белых хлопьях, напоминали пирожные со сбитыми сливками; заметно было, что люди утомлены, измучены.
Лесничиха указала на деревянные скамьи по обеим сторонам стола.
— Садитесь, — промолвила она. — Я вам сварю похлебку. Видно, вы и вправду из сил выбились.
И она задвинула засовы.
Потом она подлила воды в котелок, подбавила масла и картофеля, сняла с крюка над очагом кусок сала, отрезала половину и тоже опустила в суп.
Шестеро солдат следили голодными глазами за всеми ее движениями. Ружья и каски они сложили в угол и теперь сидели и ждали, точно послушные дети на школьных скамьях.
Старуха-мать снова взялась за пряжу, поминутно бросая растерянные взгляды на солдат-захватчиков. Только и слышно было, что жужжание прялки, потрескивание дров да бульканье вскипающей похлебки.
Но вдруг все вздрогнули от какого-то странного шума за дверью, похожего на храп, громкий звериный храп.
Немецкий унтер-офицер бросился к ружьям. Лесничиха жестом остановила его.
— Это волки, — улыбаясь, сказала она. — Они вроде вас — тоже рыщут голодные по лесу.
Немец не поверил и пожелал убедиться, но, распахнув дверь, увидел двух больших серых зверей, убегавших торопливой размашистой рысью.
Немец вернулся на место, пробормотав:
— Я не хотел поверить.
И стал дожидаться похлебки.

Они жадно пожирали ее, разевая рты до ушей, чтобы захватить побольше; глаза раскрывались вместе со ртами, а в горле у всех булькало, как в водосточной трубе. Обе женщины молча смотрели, как быстро шевелятся рыжие бороды и картофелины точно

проваливаются в этих движущихся зарослях.
Потом немцам захотелось пить, и лесничиха спустилась в погреб нацедить сидра. В погребе она замешкалась. Это было сводчатое подземелье, как говорят, служившее во время революции тюрьмой и тайником. Спускались туда по винтовой лесенке, через люк в углу кухни.
Бертина вернулась, посмеиваясь, злорадно посмеиваясь про себя. Она подала немцам кувшин сидра. Потом поужинала сама вместе с матерью на другом конце кухни.
Солдаты наелись и задремали, сидя на скамьях. Время от времени кто-нибудь из шестерых стукался лбом о доску стола и, проснувшись, выпрямлялся.
Бертина обратилась к унтер-офицеру:
— Ложитесь у огня, на шестерых места хватит. А мы с мамой взберемся в мою каморку.
И обе женщины поднялись на верхний этаж. Слышно было, как они заперлись на ключ, потом ходили некоторое время и наконец затихли.
Пруссаки разлеглись на полу, ногами к огню, подложив под голову скатанные шинели, и вскоре все шестеро захрапели на разные голоса, кто дискантом, кто басом, но все одинаково протяжно и оглушительно.
Должно быть, они спали уже давно, когда раздался выстрел, да такой громкий, словно выстрелили в стену дома. Солдаты мигом вскочили. Но тут снова прогремело два выстрела, а за ними еще три.
Дверь наверху распахнулась и показалась лесничиха, босая, в рубашке и нижней юбке, с виду перепуганная, со свечой в руке.
— Это французы, — лепетала она, — человек двести, не меньше. Они подожгут дом, если застанут вас здесь. Скорее спускайтесь в погреб, да только не шумите. Если будете шуметь, мы пропали.
Унтер-офицер растерянно прошептал:
— Мы согласен, мы согласен. Где мы должен спускаться?
Женщина поспешно открыла тесный квадратный люк, и шестеро немцев, пятясь и нащупывая ногой ступеньки, спустились гуськом по винтовой лесенке в подземелье.
Но едва скрылся шишак последней каски, Бертина захлопнула

тяжелую дубовую крышку люка, толстую, точно стена, крепкую, точно сталь, укрепленную на шарнирах, дважды повернула ключ в огромном тюремном замке и засмеялась беззвучным торжествующим смехом, еле удерживаясь, чтобы не пуститься в пляс над головами пленников.

Они не шевелились, пойманные, как в мешок, в прочный каменный мешок, куда воздух проникал только через отдушину, забранную железной решеткой.

Бертина поспешила опять раздуть огонь и повесила котелок, чтобы подварить похлебки, бормоча:

— Отец устанет нынче за ночь.

Потом она села и принялась ждать. Только звонкий маятник равномерно тикал в тишине.

Временами молодая женщина бросала взгляд на стрелки часов, нетерпеливый взгляд, как бы говоривший: «Что они так ползут?».

Но вскоре ей почудилось, что под ногами у нее шепчутся. Из-под кирпичного свода долетал невнятный говор. Пруссаки, очевидно, начали догадываться, что их провели, и немного погодя унтер-офицер взобрался по винтовой лесенке и забарабанил кулаками в крышку люка.

— Открывать! — заорал он снова.

Она встала, подошла ближе и спросила, передразнивая его:

— Чего вы хотеть?

— Открывать.

— Я не открывать.

Немец бесился:

— Открывать, иначе я ломать дверь!

Она засмеялась:

— Ломай, ломай, голубчик!

Он принялся колотить прикладом в дубовую крышку, захлопнутую над его головой. Но такая крышка не поддалась бы и тарану.

Лесничиха услышала, что немец спускается. Потом поднимались один за другим солдаты, пытали свою силу и крепость запора. Но решив, что все попытки тщетны, они спустились в погреб и снова стали совещаться. Женщина сперва прислушивалась к ним, потом растворила наружную дверь и стала вслушиваться во тьму. До нее донесся отдаленный лай. Она засвистала по-охотничьи, и две

огромные собаки сейчас же вынырнули из мрака и радостно бросились к ней. Она схватила их за шею, чтобы они не убежали. Потом крикнула что есть мочи:
— Гой-го, отец!
— Гой-го, Бертина, — ответил голос еще издалека. Она подождала немного и снова крикнула:
— Гой-го, отец!
— Гой-го, Бертина! — ответил голос уже ближе.
— Не ходи мимо отдушины. В погребе немцы, — предостерегла лесничиха.
Слева между двумя деревьями внезапно возникла высокая фигура старика.
— Немцы в погребе? Чего им там надо? — с тревогой спросил он.
Молодая женщина засмеялась:
— Да это давешние. Они заплутались в лесу, я их посадила освежиться в погреб.
И она рассказала все с самого начала: как напугала немцев выстрелами и заперла их в подвале. Старик, все еще хмурясь, спросил:
— Что же мне теперь с ними делать?
— Ступай приведи господина Лавиня со всем отрядом. Пусть возьмет их в плен. То-то обрадуется!
Тут и старик Пишон улыбнулся.
— Верно, что обрадуется.
— Вот тебе похлебка, поешь и ступай скорее, — добавила дочь.
Старик сел за стол и принялся за еду, поставив сперва на пол две миски с похлебкой для собак.
Услышав голоса, немцы смолкли. Через четверть часа Дылда опять пустился в путь. А Бертина, подперев голову руками, стала ждать.
Пленники снова забеспокоились. Теперь они кричали, звали, без перерыва неистово колотили прикладами по несокрушимой крышке люка.
Немного погодя они начали стрелять в отдушину, надеясь, должно быть, что их услышат, если какой-нибудь немецкий отряд окажется поблизости.
Лесничиха словно замерла; но шум, который поднимали немцы,

волновал и раздражал ее. Ярая злоба пробуждалась в ней. Ей хотелось перебить их, мерзавцев, чтоб они замолчали. Нетерпение ее росло, она не отрывала глаз от часов, считала минуты.

Прошло полтора часа с тех пор, как ушел отец. Теперь уж он в городе. Она будто видела его. Вот он рассказывает о происшедшем событии г-ну Лавиню, тот бледнеет от волнения и звонит служанке, чтобы ему принесли мундир и оружие. Бертине так и слышалось, как рассыпается по улицам дробь барабана. Из окон выглядывают перепуганные лица. Мужчины выбегают из домов, наспех одевшись, запыхавшись, застегивают портупеи и устремляются к жилищу коменданта.

Потом отряд средь мглы и сугробов направляется в лес, с Дылдой во главе.

Она все смотрела на циферблат. «Через час они будут здесь».

Нервное нетерпение обуревало ее. Минуты тянулись бесконечно. Сколько же еще ждать?

Наконец стрелки показали время, когда, по ее расчетам, должен был прибыть отряд.

Она снова распахнула дверь, чтобы послушать, не идут ли. Она увидела осторожно передвинувшуюся тень и вскрикнула в испуге. Но это был отец.

— Меня послали узнать, нет ли каких перемен, — сказал он.

— Нет, никаких.

Тогда он пронизал мрак долгим, резким свистом. И вот вскоре среди деревьев показалось, медленно приближаясь, темное пятно: авангард в десять человек. Дылда то и дело повторял:

— Не ходите мимо отдушины.

И передовые указывали вновь прибывающим опасную отдушину.

Наконец появился основной отряд — двести человек, у каждого по двести патронов.

Г-н Лавинь, дрожа от возбуждения, расставил своих людей так, чтобы дом был окружен со всех сторон, свободным осталось только большое пространство перед черным отверстием на уровне земли, через которое в погреб проникал воздух.

Затем г-н Лавинь вошел в дом и осведомился о численности и расположении неприятеля, до такой степени присмиревшего, что

казалось, он исчез, испарился, улетучился через отдушину.
Г-н Лавинь постучал ногой в крышку люка и окликнул:
— Господин прусский офицер!
Немец не отвечал.
— Господин прусский офицер! — повторил комендант. И снова тщетно. Целых двадцать минут убеждал он онемевшего пруссака сдаться с оружием и снаряжением, обещая жизнь и воинские почести ему и его солдатам. Но в ответ не уловил ни одного знака согласия или враждебных намерений. Положение становилось затруднительным. Ополченцы топтались на снегу, похлопывали себя руками по плечам, как это делают кучера, чтобы согреться, поглядывали на отдушину, и у всех росло ребяческое желание пройти мимо нее.
Один из них, некий Подевен, человек очень ловкий, отважился наконец. Разбежавшись, он промчался мимо отдушины, как серна. Опыт прошел благополучно. Пленники словно умерли.
— Там нет ни души! — крикнул кто-то.
Другой солдат тоже пробежал по свободному пространству перед грозным отверстием. Дальше началось нечто вроде игры. Поминутно кто-нибудь стремглав перебегал от одной группы к другой, как дети, бегающие наперегонки, и тогда из-под ног во все стороны разлетались снежные комья. Чтобы согреться, горожане разложили большие костры из валежника, и яркий огонь на мгновение озарял фигуру, перебегавшую с правого фланга на левый. Кто-то крикнул:
— Малуазон, твой черед!
Малуазон был толстяк-булочник, товарищи постоянно посмеивались над его животом.
Он колебался. Раздались насмешки. Тогда он набрался храбрости и затрусил мерной рысцой, пыхтя и потряхивая жирным брюхом.
Весь отряд хохотал до слез.
— Браво, браво, Малуазон! — ободряли его.
Он пробежал около двух третей всего пути, как вдруг из отдушины брызнула короткая красная струя пламени.
Грянул выстрел, и тучный булочник с диким воплем упал ничком в снег.

Никто не бросился ему на помощь. Тогда он сам, охая, пополз по снегу на четвереньках и, выбравшись из опасной зоны, потерял сознание.
Пуля попала ему в самую верхнюю, мясистую часть ляжки.
За первым испугом, первым смятением последовал новый взрыв смеха.
Но тут на пороге дома появился комендант Лавинь. Он успел разработать план штурма. Громким голосом он выкрикнул:
— Лудильщик Планшю с подручными!
Выступили трое.
— Снимайте с дома водосточные трубы.
За четверть часа коменданту доставили двадцать метров труб.
Тогда он распорядился выдолбить со всяческими предосторожностями круглое отверстие у края люка и соединить его трубами с насосом у колодца, после чего радостно объявил:
— Сейчас мы дадим господам немцам напиться!
В ответ — восторженные крики «ура», радостный рев и безудержный хохот. Комендант организовал рабочие команды, которые должны были сменяться каждые пять минут, после чего приказал:
— Качайте.
Железный рычаг был пущен в ход, журчание пробежало вдоль труб, и вода полилась по ступенькам погреба с шумом водопада в бассейне для золотых рыбок.
Все ждали, что будет.
Прошел час, другой, третий.
Комендант лихорадочно шагал по кухне, временами прикладывая ухо к полу и стараясь разгадать, что делает враг, скоро ли капитулирует.
Теперь враг засуетился. Слышно было, как он передвигает бочки, разговаривает и плещется в воде.
Часов около восьми утра из отдушины послышался голос:
— Я желал говорить с господин французский офицер.
Лавинь ответил, не слишком высовываясь из окна:
— Вы сдаетесь?
— Я сдаваться.
— Тогда сложите оружие.

Тотчас же из отдушины выбросили на снег одно ружье, затем два, три и наконец все ружья. Прежний голос заявил:
— Больше нет. Скорее кончать. Я совсем тонул.
— Довольно, — приказал комендант.
Рычаг насоса замер в неподвижности. Когда кухню заполнили солдаты с ружьями на изготовке, комендант медленно поднял дубовую крышку люка.
Сперва показались четыре головы, четыре белобрысые головы с длинными мокрыми волосами, а затем один за другим вылезли и все шестеро немцев, продрогшие, вымокшие, перетрусившие.
Их схватили и связали. И сразу же, во избежание неожиданного нападения, пустились в путь, разбившись на две колонны: одна сопровождала пленников, другая — Малуазона, которого тащили на носилках из тюфяка и двух жердей.
В Ретель возвратились с триумфом.
Г-н Лавинь был награжден орденом за взятие в плен прусского авангарда, а толстяк-булочник — военной медалью за ранение, полученное в бою.

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 30 декабря 1884 года.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 5. МП «Аурика», 1994
Перевод Ф. Стырикович Hekaýalar